

Не нос, а характер

Мирон: Ну, что мне делать с моим не носом, а характером, когда я хотел бы знать душу всего человечества!

(На пьесы драматурга Н. Архипова).

10 июля в фельетоне Г. Гаврилова «Дохлое дело» было сказано о драматурге Н. Архипове следующее:

«... Н. Архипов учредил мощный картель по эксплуатации неиспользованных богатств сокровищницы мировой драматургии. Картель, в который помимо Н. Архипова (он же Зайцев, он же Массальский) входят его жена Тихомирова, приятельницы О. Полякова и В. Иванова, развернул энергичнейшую деятельность вокруг вельтишек покойников. Деятельностью картеля охвачено свыше 30 пьес...».

На днях редакцию посетил сам Н. А. Архипов — очень обиженный, крайне задетый и едва сдерживающий свое возмущение. Как говорит некий герой в пьесе Архипова, — «сколько слов и внутренних слез закипело в душе!...».

И мы устыдились. Как плохо, как скверно получилось! Мы по невежеству приписывали Н. Архипову операции с одними лишь классиками, а оказывается, не таков Н. А. Архипов. Оказывается:

— Кто написал пьесу «Курорт»? — Архипов.

— Кто сочинил комедию «Точка и многоточие»? — Архипов.

— Кто — «Техника решает»? — Он же, Архипов.

— Кто — «Бозлы в огороде»? — Архипов.

— А «Владимир Дубровский», по мотивам, да, по мотивам Пушкина, — чья это пьеса в четырех действиях? — Опять же Архипова.

Это страшно, товарищи! Мы жили, горя не знали, а приходит человек и приносит справку с печатью о том, что в Управлении по охране авторских прав «охранялись и охраняются» его «оригинальные» 16 пьес!

Автор «Горя от ума» сочинил не много, а о нем благодарный потомок Н. Архипов настроил драму в пяти действиях — «Александр Грибоедов», между тем как об авторе 17 пьес ничего не написано! Ни даже статьи, ни какого-нибудь хоть фельетона...

Все это выразил нам Н. А. Архипов, и вот мы исправляем ошибку. Снова прибегая к алмазному фонду сочинений Архипова, скажем, как его герой: «Быть может, мне иногда нужны и ошибки, ибо они могут послужить трамплином к дальнейшим взлетам...».

Итак, дальнейшие взлеты...

Мы прочитали очередную, новую, семнадцатую пьесу Н. Архипова «Два друга». Выше уже приводились образцы чеканного слога — они взяты из этого произведения. Сейчас мы выйдем из пьесы небольшой диалог. Ученый, «почти гениальный» химик Леонид Рудницкий, недовольный поведением своей жены, грустит, излишне много пьет, теряет интерес к работе. Известно из текста пьесы, что «Леонид, будучи человеком большого дарования, в то же время очень не всегда уравновешен». Вот беседа Леонида с Николаем, его закадычным дру-

гом, исполняющим в пьесе роль монолитно-положительного героя:

«Леонид (подавляя вздох). Что же делать?»

Николай. Только работать! Лучшее лекарство от таких слякотных настроений — это работа!

Леонид. Любовь — это слякоть? Какал ты железобетонная схема!

Николай. Для твоей любви к Сусанне в моем лексиконе нет других определений. Благодаря этой «любви» ты работаешь почти на холостом ходу, еле задевая крохотные частицы своего мозга...

Леонид. Перестань, Николай... Точно! Тяжело...

Николай. О, гнусная природа, кого ты наделила талантом?..».

Вся пьеса, 67 страниц, написана в этом же стиле, с таким же кривляньем, этим же языком пародии. Читаешь, и не верится. Неужели такая вещь может быть написана всерьез, без прони, без умысла?

Архипов, должно быть, уверен, что если в пьесе говорят: «День и ночь мы должны помнить, что наша работа должна не гореть, а пылать! И мы обязаны взять на свой буксир ослабевшую волю Леонида Петровича», — то, значит, все в порядке, и этот рыбий язык примут за ялвую речь советских людей, стахановцев, энтузиастов социалистического труда.

Когда в пьеске Архипова малекены кричатся, юродствуют, говорят грамофонным голосами, — советским людям противно!

Противно, когда преподносят историйку о «демонической женищине», вдруг становящейся добродетельной в антракте между третьим и четвертым действием; когда на сцене ломается и бессмысленно хохочет явный идиот, которого по мысли автора надо уважать; когда спившегося «полугения» отправляют для излечения в ответственнойшую экспедицию в Арктику и он возвращается оттуда здоровый и непорочный; когда борьбу, которую ведут ученые с отсталостью, косностью, консерватизмом в науке, изображают в виде глушого фарса, где одни изрекают лозунги, а другие — пьют коньяк...

По, довольно... Кому этого мало, пусть сам прочитает пьесу «Два друга» — занятие, предупреждаем, трудное и неприятное.

Мы предупреждаем: отыщите товарищи, которые посетуют на нас за то, что мы подвергли критике деятельность Н. А. Архипова. В чем дело, скажут они, — нет у человека таланта, не наградила его природа. Ведь это от людей не зависит — у одного нос красивый, римский, а у другого, — извините, картошкой...

Нет, не нос Н. Архипова нас раздражает, — бог с ним, с носом, — а характер! Именно характер — деловой, чрезвычайно деловой характер Н. Архипова, — вот что нас волнует. А также и то, что человек с такими достоинствами процветает в литературе, состоит в писательской организации, что-то тачает, стряпает, переделывает, имея на рынке сбыт!

Вот, изделия Архипова «охраняли и охраняют», а нет того, чтобы кто-нибудь драматургию охранял от Архипова!

С. НАГОРНЫЙ.